

УДК 334.735(091)(476)

И. С. Котов (igorek.kotov.65@bk.ru),

канд. ист. наук, доцент

Белорусский торгово-экономический
университет потребительской кооперации
г. Гомель, Республика Беларусь

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В КООПЕРАТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ГОМЕЛЬЩИНЫ В 1920-е ГОДЫ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Столетие образования БССР актуализировало изучение и переоценку практики коммунистического строительства на региональном уровне в кооперативном движении, что является крайне важным для развития отечественной школы повседневной истории.

The Centennial of the BSSR gave impetus to enhance research and reassessment of the practice of Bolsheviks' transformation in cooperative movement at the regional level, that is extremely important for the development of national school of everyday history.

Ключевые слова: кооперативы; социальные движения; политическая власть; репрессии; гражданская активность.

Key words: cooperatives; social movements; political rule; repression; citizen activism.

О необходимости установления прочного партийного контроля над кооперативным движением заявил в своем докладе на XII Всебелорусской партийной конференции в марте 1923 г. народный комиссар земледелия БССР А. С. Славинский. По его мнению, кооперация была средством политического воздействия и руководства той частью населения, на которую нельзя было повлиять через профсоюзы, а именно на крестьянство [1, л. 217–218]. Здесь необходимо

подчеркнуть, что если партийное руководство профсоюзами было закреплено еще резолюцией X съезда Российской коммунистической партии (большевиков) (РКП(б) в 1921 г., то в отношении кооперации большую роль играла инициатива местных партийных комитетов.

В докладе представителя Гомельского губернского комитета РКП(б) на Речицкой уездной партийной конференции в октябре 1922 г. говорилось о «важнейшей победе»: сельскохозяйственные кооперативы, в которых ведущую роль играли зажиточные крестьяне (сельскохозяйственная кооперация № 1), были вытеснены «красной кооперацией» (сельскохозяйственная кооперация № 2), находившейся под контролем большевиков. Победа была одержана путем запрета всем государственным хозяйственным учреждениям работать по договорам с «номером один». Таким образом, последняя, не встречая поддержки со стороны хозяйственных органов, должна была умереть и слиться с сельскохозяйственной кооперацией № 2.

Однако не все участники конференции одобрили подобный обходной «маневр» с нарушением социально-экономических прав. Один из выступивших в прениях по докладу, заведующий Речицким районным отделением Гомельского губернского союза сельскохозяйственной кооперации Черняк отметил, что на самом деле губернский комитет произвел довольно неудачную операцию над кооперацией. Лишение самостоятельности районных отделений кооперативных организаций, директивный роспуск их выборных органов противоречили главной задаче кооперации: ведению систематической работы среди крестьянства и привлечения его в кооперативные организации, которую может проводить только выборная кооперация. В заключение своего выступления Черняк делает неутешительный для подлинной кооперации вывод: «Мы кооперацию в Гомельской губернии собираемся похоронить целиком. Каким же образом тогда проводить через кооперацию партийное влияние на массу» [2, д. 136, л. 20–23]. Таким образом, уже в начальный период новой экономической политики, характеризовавшейся либерализацией государства по отношению к свободной кооперации, правам граждан зарождаются предпосылки для ее последующего огосударствления и фактической ликвидации.

Важнейшей задачей партийных органов по отношению к кооперации было также формирование лояльного по отношению к проводимой большевиками политики состава органов управления и контроля (правлений и ревизионных комиссий) кооперативных организаций и их союзов.

Однако речицкие большевики относились к распространению добровольного членства в кооперативах, являвшегося одним из мероприятий новой экономической политики (нэпа), с недоверием. На совещании партийных работников Речицкого уезда (в январе 1923 г.) подчеркивалась необходимость учитывать «политический момент» демократизации кооперативной жизни: если допустить свободное членство, то кооперацию захватят кулацкие слои населения, а бедняки будут выброшены, партийное влияние из кооперации будет ускользать [2, д. 218, л. 72].

Некоторые опасения у партийных руководителей Речицкого уезда вызывало влияние представителей распущенных политических партий, в частности эсеров. Можно отметить свободное ведение дискуссии на партийном совещании под протокол о степени влияния различных политических партий в советском обществе, обмена мнениями по данному вопросу, что будет практически невозможным в 1930-е гг. Так, уже упоминавшийся заведующий Речицким районным отделением Гомельского губернского союза сельскохозяйственных кооперативов Черняк полагал, что в кооперации не чувствуется влияние других партий: «Есть некоторые эсерствующие, но они не имеют никакого влияния, к тому же нечем их заменить». Его оппонент, некто Житомирский, был категорически против: «Считаю ненормальным оставление эсерствующих в кооперации. Инструктора райотделений (союзов кооперативов) – не коммунисты. Это тоже требует устранения» [2, д. 218, л. 121].

С 1923 г. по решению Центрального комитета Международного кооперативного альянса (МКА) проводилось празднование Международного дня кооперации в первое воскресенье июля во всех странах, кооперативные организации которых входили в состав МКА. Несмотря на объявленный этой организацией нейтралитет в политических и религиозных вопросах, большевики использовали это мероприятие для усиления своего влияния на кооперацию. В циркуляре Гомельского губернского комитета РКП(б) от 24 июня 1924 г. отмечалось, что для полной победы пролетарской революции во всем мире Коминтерном должны быть завоеваны рабочие кооперативы. Ставились конкретные задачи перед партийными, комсомольскими и профсоюзными организациями в связи с праздником: для членов Российской Коммунистической партии (РКП) и Российского Коммунистического Союза молодежи (РКСМ) он должен стать политической кампанией по разъяснению международных и российских задач Коминтерна и РКП в кооперации, для членов профсоюзов – такой же политической кампанией и вместе с тем праздником трудящихся.

Вместе с тем следует отметить, что в начальный период нэпа, несмотря на определенную работу по укреплению партийного влияния в кооперации доля коммунистов в ее руководящих органах не была значительной: по состоянию на конец лета 1924 г. большевики имели 30% в составе правлений сельскохозяйственных коммун, 45% – в составе кредитных сельскохозяйственных товариществ, 16,3% – сельскохозяйственных артелей, 12% – общих сельскохозяйственных товариществ [2, д. 218, л. 35, 57]. Возможно, в середине 1920-х гг. среди партийной и кооперативной общественности получает распространение мнение о дальнейшей либерализации режима большевистской диктатуры в отношении негосударственных организаций, выраженное в решении Речицкого уездного комитета большевистской партии по итогам XII уездной партийной конференции (в ноябре 1925 г.): назначенство в советах, кооперации, комитетах взаимопомощи и других общественных организациях в практике работы парторганизации отошли в прошлое [2, д. 435, л. 33]. В отчете Гомельского губернского комитета и губернской контрольной комиссии Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) (ВКП(б) за 1926 г. (последний год существования Гомельской губернии) отмечалось, что при выполнении задачи обеспечения партийного руководства кооперацией не следует нарушать основ выборности, что недопустимы досрочные отзывы или переброска выборных работников – членов партии, что отзывы должны производиться через собрания уполномоченных или совет согласно уставу соответствующих кооперативных организаций. По всей видимости, данное решение было следствием указаний сверху: при обсуждении тактики партии в ходе перевыборов органов сельскохозяйственной кооперации на заседании секретариата ЦК КП(б)Б 21 сентября 1926 г. вместе с наказами о необходимости серьезного подбора партийных кандидатов на выборные должности было требование придерживаться принципа выборности [3, с. 368].

В октябре 1924 г. всем центральным комитетам коммунистических партий союзных республик, крайкомам, обкомам и губкомам РКП(б) был разослан специальный циркуляр Центрального комитета Российской Коммунистической партии (большевиков) (ЦК РКП(б) за подписью одного из его секретарей Л. М. Кагановича с требованием до XIV съезда партии (ориентировочно до конца 1925 г.) на территории всего Советского Союза «перевести на кооперативную, торговую и кредитную работу не менее 3 тыс. партийных работников, из которых ответственных руководящих работников должно быть не менее 1 300 чел.» [2, д. 425, л. 36]. Очевидно, что в данном документе речь идет не о рядовых членах органов управления и контроля кооперативов, бухгалтеров и экономистов, а о руководителях кооперативных организаций и союзов кооперативов. Это свидетельствовало о противоречивости и временном характере относительной либерализации отношений между партией и кооперативными организациями.

В декабре 1926 г. была ликвидирована Гомельская губерния в составе РСФСР, Гомельский и Речицкий уезды были переданы БССР. Однако вопрос о проведении политики белорусизации на присоединенных территориях был рассмотрен только в следующем году. В соответствии с постановлением Президиума Центрального Исполнительного Комитета Советов БССР от 17 ноября 1927 г. кооперативные организации Гомельского округа должны были полностью перевести «сваю працу на беларускую мову да 1 ліпеня 1929 г.». Интересно отношение некоторых жителей Гомеля к белорусизации, изложенное в заметке корреспондента журнала «Полымя»: «Перадаю даслоўна ў фанетычнай транскрыпцыі рэплікі адной досьці станавітай жыхаркі г. Гомеля: “Да, это факт, что Гомельская губернія атадет к Беларусіі. Я, собственно не панамаю для чэго это все делаецца. Па-мойму, это красівы палітэскі жэст са стараны савецкай власьці. Пахваліцца перад Западам: сматрыце дзескаць, как мы выражаем меньшыя нацыянальнасці. А вы этаго ня дзелаеце. Для меня лічно пусць сабе бюджет і Беларусія, но зачем нужэн этат дапатопны беларускі язык – этага я нікак не панамаю”». Данное высказывание принадлежало частной торговке, недовольной широким распространением магазинов Гомельского центрального рабочего кооператива и требованием о переводе на белорусский язык вывесок, ярлыков и документации в ее заведении [4, с. 143].

С 1927 г. наметились признаки перемены курса большевистской партии в отношении нэповской либерализации. Это нашло свое выражение в кооперативной политике, стремлении к полному замещению состава органов управления и контроля членами партии, комсомола, лицами, «социально близкими Советской власти». Формально этот процесс требовали проводить «в рамках кооперативной демократии», однако таким образом добиться преобладания коммунистов в кооперации удавалось далеко не всегда.

Последние годы нэпа характеризуются массовыми чистками личного состава органов управления и контроля кооперации по политическим, а не деловым мотивам. Эти чистки во многих случаях начинались по инициативе партийных органов. Так, в ноябре 1929 г. на пленуме Гомельского окружного комитета Коммунистической партии (большевиков) Беларуси

(КП(б)Б) была дана острая характеристика «валицковщины», названной по фамилии незадолго до этого снятого с должности председателя окружного союза кустарно-промысловой кооперации Валицкого. Он ориентировался в деятельности артелей на частный рынок, проводил линию на привлечение в кооперативы частного капитала путем приема «нэпманов» в состав артелей, отстаивал их самостоятельность от партийных и государственных органов, отказывался выполнять некоторые директивы Центрального Комитета. Как отметил один из выступивших, Валицкий замусорил артели нэпманским элементом почти на 90%. Из материалов пленума следует, что большая часть этих «элементов» была «вычищена» и заменена лицами надлежащего социального происхождения [2, д. 538, л. 34–35].

Чистки кооперативов проходили и в других округах Гомельщины. Везде были очевидны их политический характер и насильственное вмешательство партийных органов в дела кооперации. 15 мая 1929 г. состоялось собрание Мозырской инвалидной артели промысловой кооперации «Красный портной» и работников инвалидной кооперативной столовой. Предметом рассмотрения был вопрос о чистке. Примечательным на этом собрании является не только то, что исключали из артели не по деловым качествам, а преимущественно за прошлое (социальное происхождение, частное предпринимательство в период «угара нэпа», но и реакция членов кооперативов на решения комиссии; они целиком воздерживались при голосовании [5, л. 18–20]. Открыто протестовать никто не решался, но отрицательное отношение к диктаторской политике власти было очевидным. Таким образом, постепенно завоевав кооперацию, Коммунистическая партия превратила ее в инструмент своей политики во всех сферах общественной жизни.

Список использованной литературы

1. **Стенографический** отчет XII Всебелорусской партийной конференции // Нац. архив Респ. Беларусь (НА РБ). – Фонд 4. – Оп. 2. – Д. 21.
2. **Материалы** VII Речицкой уездной конференции РКП(б). Протоколы кооперативного совещания при Гомельском губкоме РКП(б). Отчет Речицкого губкома РКП(б). Материалы кооперативного совещания при Гомельском губкоме РКП(б). Материалы Пленума Гомельского окружного комитета КП(б)Б, ноябрь 1929 г. // Фил. Гос. арх. Гом. обл. (Фил. ГАГО). – Фонд 9. – Оп. 1. – Д. 136, 218, 425, 435, 538.
3. **Постановления** Секретариата ЦК КП(б)Б // Нац. архив Респ. Беларусь (НА РБ). – Фонд 4. – Оп. 3. – Д. 15.
4. **Харэвіч, А.** Беларуская мова як соцыяльна-клясавы раздражальнік / А. Харэвіч // Палымя. – 1927. – № 1. – С. 143.
5. **Мозырская** инвалидная артель «Красный портной» // Гос. архив Гом. обл. (ГАГО). – Фонд 954. – Оп. 1. – Д. 14.